

Владислав Юрьевич Дорофеев

Нарциссомания

Владислав Дорофеев

Нарциссомания

«Автор»

Дорофеев В. Ю.

Нарциссомания / В. Ю. Дорофеев — «Автор»,

ISBN 978-5-457-22048-5

Небольшая повесть «Нарциссомания» о человеке по имени Гаариил, который живет сдачей пустых бутылок, при этом он смотритель сада самоубийц, в котором живут солдатики, в правой руке у каждого солдата по апельсину с красной кожицей, а в левой по бронзовому мальчику, в правой руке которого оливковая ветвь, а левая кисть мальчика совокуплена с левым мизинцем солдатиков. У Гаариила есть еще один способ зарабатывания денег – изготовление наркотика под названием «джэф».

ISBN 978-5-457-22048-5

© Дорофеев В. Ю.
© Автор

Владислав Дорофеев

Нарциссомания

Я начал писать этот текст в 1982 году, весной, и предварительно завершил его той же осенью. Прошло семь лет. За эти годы я переместился из Москвы на Дальний Восток, у меня семья, двое девочек, чудная жена. Это не считая новой работы, нового положения в обществе, новой погоды, иного жизненного уровня: тогда была чашка риса на день, порой на два, теперь грузинский коньяк, крабы, хорошая одежда, собственная Библия и радиоаппаратура. А написанные семь лет тому назад страницы лежат в архивном виде, неудобоваримые и непривлекательные. Все эти годы я корил себя за незаконченность работы, за эту псевдоархивность, непоследовательность. Но ведь когда-то нужно закончить однажды начатое дело. Что произошло со мной за эти годы? Я, конечно, вырос из многих штанишек, но каковы мои устремления, насколько я последователен в реализации и воплощении своих жизненных сил. Насколько я научился за прошедшие годы понимать себя и окружающих. В этом была одна из подспудных целей тогдашнего литературного экскурса в свои мысли и ощущения. С точки зрения формы смысл этой работы был не в достижении какого-то результата, но в наиболее точном изображении процесса написания, формулирования рождающихся мысленных образов и ощущений. Задача была в том, чтобы приблизиться к читателю, то есть сделать читателем самого себя. Убрать эту дистанцию дидактики и учительства, покровительства, которые сопутствуют самым и святым и человеческим литераторам, мыслителям, деятелям. Прочь избранность и величие от бога! Да, здравствует избранность и величие от себя. Впрочем, давайте посмотрим, что же у меня получилось. Отойдем от первоначального замысла. Дело в том, что я не могу разобрать код, которым зашифровано расположение страниц в тексте. Остается надежда на интуицию и универсальность тогдашнего замысла. Начнем.

Драматургии в тексте нет, нет акцентов, завязки, финала, центра, есть только какие-то намеки на дань литературной традиции. По традиции сначала в тексте идет предисловие, эпиграф и другая трусливая ерунда.

Что же происходит с теми, кто согласен со всякой смертью и не желает думать, что она такое и зачем? Что же с теми, которые несчастливы? Которые не примирились с жизнью, считая, что она к ним жестока. Последние – это глупцы, потому и жизнь их глупа. Но те и другие живут с глубокой верой, которая выражается в заботе о деньгах и жизненных удобствах. Те и другие не понимают истины: пересилить себя – это, значит, пересилить себя.

И такое вдруг отчаяние. Настолько бессмысленна жизнь моя. Неизмеримым глупцом я себя почувствовал. Человек-функция, когда последний день твой на Земле? Огромные города твои – последние ли? Мир сей последний ли? Человек, ты делаешь все, чтобы не быть ничем, но ты ничто. Переступивший хотя бы один единственный закон – уже достойный человек. Но ты, человек, ты превратил в закон самого себя. Войди назад в свои дома. Я прекращаю говорить и жить. Я – как ты, я боюсь покинуть свои земные декорации. На книжной полке моей четыре тома Есенина: первый бежевый, второй желтый, третий синий, четвертый зеленый. Им нет до меня дела до тех пор, пока я не схвачу с полки один из этих томов. Но и тогда в этот момент останутся: сорокаградусный мороз в Нью-Йорке и умирающие люди по всему свету. Сколько мертвых людей?! Как много нужно было вас убить, чтобы вас было так много! Санкционировать смерть Героя ради политики. На это способны, яко бы «наши судьи», наши Учителя, которые пишут для вас романы и детективы, делают политику и встречаются, и говорят, говорят. И все это происходит под знаком сохранения дистанции между ними и нами. Они составили нам законы, зная при этом, что мы все хуже худшего, о чем мы сами знаем. И будто бы много радости нам принесли ваши жизни. Но кто

как не вы, останавливаете жизнь в поэзии и просто жизнь. Впрочем, зачем нам видеть жизнь в виде зеленого айсберга, в котором нет ни смысла, ни аза... Да, туманно... Но продолжим...

Может быть по этому поводу мой приятель Виктор, умерший в тюрьме, наркоман от рождения, сказал: «Я нужен людям, я несу правду, я говорю человеку, кто он такой! И почему он на этой Земле! Я советую человеку быть человеком!»

Прежде чем сесть писать настоящий труд, я готовился к нему более полугода. В самом начале этой подготовительной работы я встретился с мыслью Хайдеггера: «Третье явление нового времени, равное по важности первым двум (наука нового времени и машинная техника), заключается в том, что искусство входит и выдвигается в поле эстетики. Это значит, художественное творение становится предметом переживания, а вследствие этого, искусство начинает рассматриваться как выражение жизни человека». Я не думал над смыслом этих слов, но помнил их. Хотя, для того, чтобы их сейчас написать, мне пришлось найти статью Хайдеггера. Поставив после «Хайдеггера» точку, я подумал: «Для меня важно, чтобы мой труд нельзя было читать на унитазах или в ванной».

Но зачем мне выдумывать, что нет того, чего нет. И, что кто-то из читающих поймет то, что он читает. Впрочем, я уже верю в то, что я существую. Ну и какое вам всем дело до меня! Я и сам после написания этих слов не всегда могу вспомнить рождение мысли. Разве что, воспользовавшись для этого обратной схемой формулирования, что позволит проследить словесное мгновение несущейся мысли. Отрицание разума, вера в разум, понимание разума, послание разуму, победа разума, могущество разума, постижение разума...

Осенью, нынешней или минувшей, спускаясь Ново-Басманным переулком, я отыскал в свете фонаря черный кошелек. Я долго смотрел, затем вспомнил законы Англии и свои собственные, поднял кошелек и догнал бредущую вверх пару, мол, не ваше: кошелек для ключей с желтым замочком? Нет! И я положил кошелек в карман. В кошельке были крест-брелок-серьга и цепочка.

Ваш ребенок
вам же нужен;
авокадо посадив...

Проза, как девка, в какие-то времена распоясывается. Как же приятно бывает писать: какие-то звуки за окном, звук машинки, а за окном домики, пустые деревья. И тут же рядом оторопь и отвращение, ненависть и зависть к тем, кто в соседней комнате готовит, моет, говорит, скучает, слушает и рассказывает. Порой один из них подойдет ко мне и опустит руку на плечо мне. Господи! Отдай им мое сердце за эту руку и доброту их, которые я не заслужил. Я знаю о них много дурного, наполни их сердца радостью, а меня отстрани от них за эти мои знания.

Собственно, в прозе звуки имеют возможность и право выделяться. Совсем не то в поэзии, которую часто представляют худые поэты и нелепые актеры.

Я больше всего переживаю за интерес. Будет ли каждая строка толчком для последующей и развитием предыдущей. На сюжет плевать. Сюжетов в вашей жизни много больше, нежели их может быть в моей голове, которая порой неразумна, а порой труслива до оторопи. Приятное слово, не правда ли? Хочется его повторить по слогам: «о-то-ро-пи», или даже по буквам, перечислить: «о-т-о-р-о-п-ь». Редкое слово, русское слово.

Я не чувствую в себе душу. Где-то в окнах разума живет рассудок, орган ведающий самонаказанием, а качество это есть главнейшее качество русского. Русский – это же мазохист, каких свет не видывал. Вера русского тайная, может быть поэтому никакая. Доминируют в русском человеке мысли, переданные по наследству. По наследству русский получает и ангела-хранителя. Настанет время, и русские первые отойдут от национальной принадлежности и перейдут в особый статус. Как его назвать, это новое состояние, я не знаю. И предрасположенность к этому исходу у русских существует давно. Например, у конкретного крещенного русского, который топтал икону, обязательно отрастали рога. Топтавший не будет их сбивать, напротив, он сделает все, чтобы рога укрепились, пустили настоящую корневую систему. А другой русский, увидев это чудо, не спросит: «Как это? Что это?» Другой русский скажет: «У каждого свое... Чтож тут такого». То есть, когда русский поверит, он уже ничему не удивится.

Лучше с умным потерять, чем с дураком найти.

Бог не выдаст, свинья не съест.

Покуда гром не грянет – мужик не перекрестится.

Действительно, странная была война 1812 года. Бедный дурашка Наполеон, бедный любитель утренней жирной курятины и горячих ванн. Несчастный «наполеон».

В лучах заходящего солнца, на снегу, засиженном мухами, лицо его – как серебряный голубь...

Что же я имел в виду семь лет назад?

Позже тот, который по обыкновению Бунина, говорил «синема», зарабатывал тем, что сдавал бутылки, Торжественный и красивый момент, когда он в одной руке держит мешок с бутылками, а другой рубит воздух и выстраивает каре на жестяной плоскости приемного столика. Человек этот по прозвищу Гаариил одет был в какой-то темно-синий холст. Зеленое бутылочное каре успокаивает. Из кармашка Гаариила торчит роза. Мы с ним не виделись более года. Он всегда знал, что будет потом, но никогда не хочет знать этого. Он был нетороплив, как и вся русская проза. По ходу движения очереди мы успели обменяться впечатлениями о долгой разлуке. Он рассказал о бритве в глазу и раненной девочке, об эскалаторе. Очередь подвигалась медленно. Он рассказал о том, как астрологи-экстрасенсы города воткнули во время демонстрации нож в горло главному психиатру города. Причина? Арест главы школы экстрасенсов. Дальше Гаариил рассказал о мальчике, который видел сон о том, что будто бы он ехал верхом на быке, между рогов, Утром мальчик попросил папу показать ружье (папа был охотником). Ночью малыш встал, вышел из детской, вошел к родителям уже с ружьем и выстрелил в дневного учителя, вторым зарядом уложил проснувшуюся мамочку. Мальчику четырнадцать лет, как раз возраст приема в молодежную организацию. Потом мы насладились сдачей бутылок.

Гаариил занялся сдачей бутылок после прочтения Гессе. Затем он стал подсматривать в метро. И он понял, что ему нужно как можно больше подсматривать в метро.

Я нашел ее на станции «Площадь Ногина» в месте пересечения двух направлений.

Она была, нет, она ни на что не похожа. Какой-то странный волосяной взгляд, не точкой или лучиком, но каким-то потоком глаза ее устремлялись ко мне. Она смотрела не на меня, а в мою сторону. И этого было достаточно, чтобы увидеть в этом потоке отчаяние и исход. В руках она держала прозрачную сумку с красными пакетами молока. Глаза ее скользили ко мне. Я сомневался, заметила она меня или нет. Но все же виноватил лицо и порой опускал голову, или из под шляпы смотрел в свою половинку стеклянной двери. Перед ней была другая половинка. Я был смущен, она нет. Я не хотел испугать ее своим взглядом. Я решил, что прокляну себя, но подойду к ней и заговорю, стану смотреть взглядом насильника, и пусть она испугается, но уже будет готова к худшему. И потом я успокою ее: «Умоляю, подайте мне несколько первых минут». Затем пойду рядом. Что ей останется, смириться. Это, конечно, насилие, ведь я решаю за нее.

Есть несколько принципов, которых я придерживаюсь всегда. Не испытывать взглядом успокоенных или с кольцом на правой руке, или с подругами, или одетых в однотонные одежды, коричневого, красного, бежевого, желтого и других массовых цветов.

Прервем на миг повествование Гаариила. У Солженицына есть хорошее выражение насчет того, что, мол, нельзя писать скучно, чтобы не засушить читателя. Если сушит в горле и хочется потереть глаза, бросьте этот текст, пойдите, развейтесь, выпейте чаю, обнимите жену, поласкайте детей, поспите, поработайте, погуляйте.

Я ценю в одежде гармонию. Например, даже при мгновенном броске глаз на пассажирку видно, что черный плащ ее не соответствует желтому настрою сегодняшней ее души; следующий бросок приносит информацию о том, что эти разноцветные розочки на воротничке передают противоречивое состояние души. И вот уже моя душа вслед несется мальчишеским бедрам. И вижу я, что душа избранницы, словно, замороженная курица в полиэтиленовой пленке. И вот я уже насаживаю ее душу на свой взгляд, словно тушу насаживают на крюк в мясном отделе гастронома. На перекрестке мы расстались.

Дальше ерунда. Но вот еще один интересный абзац.

Владелица заинтересовавшего меня взгляда четверится. Вот она стоит рядом со мной, можно ткнуться бычком в ее плечо; затем она в стекле двери; наконец, она отражается в моих глазах, которые отражаются в стекле. Значит, пятерится, Надо сказать, что метрополитен – это что-то обратное воздухоплаванию. Наверху совсем нет стен. Но и верх и низ, по прошествии многих десятков лет существования, остаются одинаково неестественными для человека. Немногие могут доподлинно представить себе, почувствовать, что же такое скорость, полет или что-нибудь в этом же роде. То есть человек, используя все достижения цивилизации, вводит себя в заблуждение насчет хозяйского отношения со скоростными воздушно-земными штуковинами.

Дальше идет меланхолическая дребедень про провинциализм, меланхолию, какие-то слезы и какую-то лирику бытового характера, какую-то ассимиляцию каких-то приезжих с какими-то местными. Интересно дальше только одно описание одной встречи с какой-то изысканной бабенкой. Приведу одно только сравнение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.